

Научная статья
УДК 17.035.12
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-2-3-9

Альтруизм в эпоху антропоцена

© Золхоева Мария Валентиновна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
badmaeva_maria@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные теоретические подходы к пониманию феномена альтруистического поведения: взгляды Д. Юма и И. Канта как создателей классической концепции альтруизма, идеи авторов теории постантропоцентризма (А. Чера), родственного отбора (У. Гамильтон), реципрокного альтруизма (Р. Триверс), эффективного альтруизма (У. Макаскилл). Основываясь на синтезе философского анализа с современными эмпирическими исследованиями в области эволюционной биологии и поведенческой экономики, автор формулирует основные положения не-редукционистского понимания альтруизма как «расширенной рациональности». Подобное толкование позволяет рассматривать альтруизм в качестве рациональной стратегии выживания и развития человечества как вида в эпоху антропоцена, характеризующуюся постоянно усугубляющимися глобальными рисками (экологическими, технологическими, политическими и пр.), вызванными всевозрастающим антропогенным влиянием на окружающую среду.

Ключевые слова: философия, общество, этика, альтруизм, антропоцен, постантропоцентризм, родственный отбор, реципрокный альтруизм, эффективный альтруизм, альтруизм как расширенная рациональность.

Для цитирования

Золхоева М. В. Альтруизм в эпоху антропоцена // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 2. С. 3–9.

Для определения современного этапа развития мира исследователи, стремясь подчеркнуть беспрецедентное вмешательство человека как вида в экосистему Земли, часто используют неформальный термин «антропоцен». Данный термин был введен в 2000 г. в работе П. Й. Крутцена и Ю. Ф. Стормера [2]. В 2016 г. на международном геологическом конгрессе (Кейптаун) было объявлено о начале антропоцена как геологической эпохи, пришедшей на смену голоцену в результате природопреобразующей активности человека, по масштабам своим способной соперничать с силами самой природы. Значимыми и очевидными для всех признаками антропоцена выступают нетривиально быстрый рост численности населения Земли, повсеместный процесс урбанизации, безудержное использование невозобновляемых природных ресурсов, вызванные всем вышеназванным глобальные

проблемы, решение которых принципиально невозможно без активного участия всего человечества. Некоторые ученые отсчитывают начало этой эпохи с промышленной революции XVIII в.

В контексте нашего исследования отметим, что в эпоху антропоцена с особой остротой встает вопрос о природе, сущности и предназначении человека. Этот вечный философский интерес к человеку, его месту в мироздании закономерно приобретает чрезвычайную актуальность вследствие осмысления всевозрастающего влияния результатов активного воздействия человека на природную среду обитания, крайнего обострения экологических проблем, ускорения технологических новаций и постоянного балансирования социума на грани третьей мировой войны, имеющей все шансы положить конец истории человеческой цивилизации.

Сегодня все чаще звучат голоса в поддержку концепции постантропоцентризма или постгуманизма, решительно смещающего человека с пьедестала центра известной Вселенной, критикующего, опровергающего привычный взгляд на человека как на автономного, рационального и самосознающего субъекта.

В фокусе постгуманистического видения человек описывается не как господин и хозяин природы и технического мира, а скорее, противоположным образом: человек оказался не готов к реалиям созданного им самим мира, не способен управлять глобальными мировыми процессами, он находится в смятении, растерянности и бессилен в противостоянии с современными технологиями, заболеваниями, войнами и катастрофами.

Итальянский философ А. Чера утверждает, что символом постгуманистического субъекта является не Прометей, «...который видит себя владыкой/подданным природы, воспринимаемой как объект или постоянный резерв. В этом случае отношения между человеком и природой характеризуются властью и господством»... а Айдос (греческая богиня стыда, скромности и смирения). «Айдосеевский человек — это тот, кто «только» считает себя управляющим/хранителем природы, воспринимаемой как живое существо... Это живое существо также считается неспособным заботиться о себе, то есть постоянно нуждающимся во всесторонней поддержке, заботе. Во втором случае отношения между человеком и природой характеризуются уважением и ответственностью» [1, с. 38].

Иначе говоря, стыд, скромность и смирение, а не власть и господство, — вот базовые характеристики отношения человека и мира в XXI в. Смирение сравнительно недавно в рамках критики христианства в философии Ф. Ницше объявлялось моралью рабов, а у Д. Юма пороком, препятствующим прогрессу человека.

Но является ли смирение исчерпывающей характеристикой человека периода антропоцена? Как правило, обсуждая наиболее характерные признаки *Homo sapiens*, наряду со способностью к абстрактно-логическому мышлению, членораздельной речи, коллективной форме бытия, умению различать добро и зло, указывают и на его деятельностную природу.

В контексте нравственности последний атрибут можно интерпретировать как способность человека к альтруистическому поведению, к бескорыстной заботе о благе и интересах других людей и готовности пренебречь даже собственными интересами ради достижения названных целей.

Альтруизм, безусловно, предполагает уважение и ответственность, но едва ли сводится только к смирению, стыду и скромности. Альтруизм — это, в первую очередь, активное действие, поступок, а не только чувство или душевное качество.

Альтруизм с давних пор был в центре внимания мыслителей и выступал предметом глубоких философских размышлений. Так, Д. Юм и И. Кант пристально изучили проблему оснований альтруистических действий и пришли к прямо противоположным выводам.

Рассматривая альтруизм как один из ключевых этических принципов, Юм акцентировал внимание на роли эмоций и социальных инстинктов в формировании моральных поступков и считал, что этика основана на эмоциях или чувствах, а не на абстрактных моральных принципах. Иными словами, подлинные причины морального поведения, по Юму, следует искать в аффектах (страстях), а не в разуме человека.

Эмоции «симпатия» или «сочувствие» порождают альтруистические действия. Созерцание счастья пробуждает в сознании человека приятные переживания, человек стремится к их повторению и это стремление переходит в устойчивое желание радости и пользы всем окружающим.

Таким образом, в философии Юма альтруизм понимается как социально обусловленный инстинкт, основой которого служат чувства и эмоциональные сопереживания.

В философии И. Канта, на первый взгляд, альтруизм не является центральным понятием и этическая система основоположника немецкой классической философии не строится вокруг идеи альтруизма в традиционном понимании. Кант фокусировался на других аспектах морали, прежде всего на категорическом императиве и рациональном обосновании нравственности.

Мораль, по Канту, основана на разуме, а не на чувствах или склонностях. Не сострадание или инстинкт самосохранения, а свободная воля и рациональный выбор, основанный на долге, порождают нравственное действие. Поступки, совершаемые исходя из иррациональной склонности, из сочувствия или симпатии, не могут, по Канту, быть подлинно нравственными, поскольку изменчивы и не всегда зависят от воли субъекта.

Этика Канта строится на идее автономии воли и безусловного соблюдения морального закона, а не на бескорыстном служении другим людям. Однако трудно спорить с тем, что действие, совершенное исключительно из чувства долга, фактически является альтруистическим по природе, поскольку оно бескорыстно и предполагает готовность принести в жертву собственные желания и интересы. Принципиальное отличие от позиции Юма состоит в рациональном толковании Кантом истоков нравственных, альтруистических действий. При этом Кант полностью игнорирует эмоциональную и эмпирическую составляющую и настаивает на универсальном характере морального закона.

Юм, в свою очередь, обсуждая универсальный характер нравственных предписаний, одновременно отрицал возможность существования объективных моральных принципов, основанных исключительно на разуме, и в то же время допускал

определенную универсальность в том, что моральные чувства и базовые принципы могут быть общими для человечества в целом, различаясь в зависимости от культуры, социального опыта и исторических условий.

Наука XX в. внесла свою лепту в дискуссию об истоках альтруистического поведения, кардинально расширив границы альтруизма, распространив этот феномен далеко за пределы социальной реальности.

Биологи, например, обнаружили многочисленные примеры альтруистического поведения в мире животных и доказали, что в природе альтруизм довольно широко распространен. Кроме того, он даже оказывается более выгодной стратегией поведения для помогающего альтруиста. К такому выводу пришел один из создателей теории родственного отбора (kin selection) Уильям Гамильтон. Суть теории заключается в том, что передача набора генов последующим поколениям будет более успешной при условии, если выживут и продолжат размножение не собственные потомки «альтруиста», а потомство его кровных родственников, братьев и сестер, имеющих сходный с «альтруистом» набор генов.

Так, пчелы, например, как и другие представители отряда перепончатокрылых, свою жизнь посвящают заботе о потомстве своих ближайших родственников, фактически отказываясь от участия в размножении и принося себя в жертву другим членам большой семьи. Это имеет простое арифметическое объяснение, ведь с сестрами их объединяет $2/3$ общих генов, тогда как с собственными детьми только половина [7, с. 291–300].

Создатель альтернативной теории реципрокного (взаимного) альтруизма, известный социобиолог Р. Триверс на широком эмпирическом материале установил, что взаимная помощь, как правило, направлена отнюдь не на родственника, а на того члена группы, который ранее уже оказал помощь, продемонстрировав саму готовность помогать любому, кто в ней нуждается. Ученый пришел к выводу, что альтруистическая модель поведения оказывается более выгодной и успешной с точки зрения как каждого отдельного члена сообщества, так и группы в целом: «Альтруистическое поведение можно определить как поведение, приносящее пользу другому организму, не являющемуся близким родственником, очевидно, вредное для организма, совершающего это поведение, при этом польза и вред определяются с точки зрения вклада в совокупную приспособленность» [3, с. 35].

В начале XXI в. в США и странах Европы разгорелась дискуссия о таком феномене, как эффективный альтруизм. Его сторонники, развивая идеи классического утилитаризма, в своем понимании альтруистического поведения поставили во главу угла соображения об эффективности (максимальной пользе) предпринимаемых действий.

Один из представителей этого общественного движения У. Макаскилл сформулировал свое определение альтруизма: «В моем понимании альтруизм — это просто улучшение жизни других. Многие полагают, что альтруизм непременно жертвен, но если можно делать добро, ведя при этом комфортную жизнь, это плюс, и я охотно сочту это альтруизмом. А под эффективностью я подразумеваю принесение максимума пользы за счет имеющихся ресурсов. Важно,

что эффективный альтруизм — это не стремление принести некую пользу, а максимум пользы [6, с. 20]».

Среди ключевых идей и принципов эффективного альтруизма отметим, в первую очередь, выбор приоритетных целей. Эффективные альтруисты стремятся ориентироваться на решение только тех задач, которые способны гарантировать наиболее очевидный позитивный результат, в идеале улучшение благосостояния человечества в целом.

Большое значение имеет измеряемая эффективность предпринятых альтруистом усилий. При прочих равных условиях сторонники этой теории предпочтут те действия, те поступки, которые обеспечат получение максимальной пользы из расчета на единицу потраченных средств. Чрезвычайно важны логика и трезвый расчет, эмоции сами по себе, вне ожидаемой пользы, не становятся источником подлинно альтруистических действий. Для того чтобы необходимая цель была достигнута, чтобы мир стал лучше, нужны не симпатии и склонности, а трезвый, холодный расчет. Не удивительно, что противники общественного движения эффективных альтруистов критикуют его сторонников за чрезмерно «инженерный» подход к благотворительности, при котором с водой фактически выплескивают ребенка, сводя Добро и Благо к банальному арифметическому подсчету аргументов «за» и «против», а насущные проблемы и реальные человеческие страдания к количественным вычислениям, калькуляции полезности.

Безусловно, рассмотренный выше подход едва ли может быть признан удовлетворительным решением проблемы, поскольку неоправданно упрощает трактовку сложного, комплексного по природе феномена альтруистического поведения, низводя его до элементарных экономических алгоритмов, что делает невозможным его применение к интерпретации самых разнообразных социальных процессов, например, героических поступков, любых нерегулярных, неповторяющихся ситуаций, совершенных альтруистами в интересах незнакомых людей в ущерб своим интересам и даже с риском для собственной жизни и благополучия.

Природа альтруистического поведения в силу многочисленности обуславливающих его факторов, множественности проявлений альтруизма, специфически человеческого способа бытия в мире, который означает не только существование среди себе подобных, но и включение в многочисленные социальные группы, а также то обстоятельство, что человек является творцом мира субъективной реальности, множественных смыслов, феноменов культуры, правил, запретов, норм, законов, по-прежнему нуждается в тщательном, разностороннем и глубоком научном анализе.

Учитывая вышесказанное, сегодня можно подойти к пониманию альтруизма как расширенной рациональности, обладающей следующими признаками.

Во-первых, подлинный альтруизм, по нашему мнению, это рациональные, осознанные индивидом поступки. При этом рациональность не исключает эмоции. Разум и чувства здесь не противоположны, они взаимно укрепляют, поддерживают друг друга, позволяя человеку не просто осуществить выбор в пользу альтруистической поддержки Другого, но и принять этот выбор, оценив его как свой собственный, самостоятельный, предпочтительный и наиболее правильный.

Во-вторых, альтруизм, понимаемый нами как расширенная рациональность, представляет собой действия, предполагающие устойчивый и долговременный эффект. В этом смысле настоящий альтруизм противостоит привычной рациональности, ограниченной сиюминутной выгодой. Последняя, как правило, иррациональна в долгосрочной перспективе и не обеспечивает необходимую безопасность и благополучие на длительный промежуток времени.

В-третьих, подлинный альтруизм отличает принципиально системный, целостный характер, т. е. понимание того, что индивидуальное выживание или успех всегда напрямую зависит от выживания, успеха целого, всей общности, всей системы (например, биосферы или социума). Иными словами, можно говорить об особой мотивации альтруистических действий: они становятся актом «просвещенного эгоизма» в глобальном масштабе, где единичное «Я» неизбежно расширяется до всеобщего «Мы», до общества, до всего человечества, до мира в целом.

Классические парадигмы альтруистического поведения, сформулированные в истории философской мысли, равно как и редукционистские подходы, истоким своим имеющие современные научные исследования, сохраняют свое значение и сегодня. Они по-прежнему указывают на существенные признаки альтруизма как важнейшей особенности человека, но по отдельности недостаточны для раскрытия сущности этого уникального феномена. Современный альтруизм — это гибридный феномен, включающий рациональное осознание существующих рисков, моральный долг, эмоциональную эмпатию, эволюционно-обусловленные склонности, сформированные длительным опытом становления человека как особого вида живых существ.

Альтруизм в XXI в., по нашему мнению, это не просто добродетель. Это форма высшей рациональности, необходимая для преодоления экзистенциальных вызовов эпохи антропоцена. Для каждого человека, для каждой социальной группы, для общества в целом он представляет собой осознанный выбор в пользу единственно верной стратегии выживания и развития всей человеческой цивилизации. Это выбор в пользу будущего, в котором судьба одного человека и судьба всего человечества не просто взаимосвязаны, а неразделимы.

Литература

1. Cera A. The Anthropocene or the “end” of the imperative responsibility. *Pensando Rev. Filos.* 2000; 11(24): 31–43. <http://dx.doi.org/10.26694/pensando.v11i24>
2. Crutzen P. J., Stoermer E. F. The Anthropocene. *IGBP Newsletter.* 2000; 41: 17–18.
3. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism. *The Quarterly Review of Biology.* 1971; 46: 35–57.
4. Балашов Д. В. Эффективен ли эффективный альтруизм // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 26–46.
5. Кант Иммануил. Критика практического разума : перевод с немецкого. Москва : Эксмо, 2015. 222 с.
6. Макаскилл У. Ум во благо. От добрых намерений — к эффективному альтруизму. Москва : АСТ : Corpus, 2018. 299 с.

7. Марков А.В., Эволюция человека. Обезьяны, нейроны и душа : в двух книгах. Кн. 2. Москва : Аст ; Corpus, 2013. 512 с.

8. Ставцева О. И. Человек в эпоху антропоцена: постантропоцентрический горизонт // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 5. С. 119–127.

9. Юм Давид. Исследование о принципах морали // Сочинения: в двух томах : перевод с английского / примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. Москва : Мысль, 1996. Т. 2. 799 с.

10. Юм Давид. Трактат о человеческой природе / перевод с английского С. Церетели. Москва : АСТ, 2022. 799 с.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

Altruism in the Anthropocene

Mariya V. Zolkhoeva

Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
Head of Philosophy Department
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
badmaeva_maria@mail.ru

Abstract. The article examines various theoretical approaches to understanding the phenomenon of altruistic behavior, specifically the views of D. Hume and I. Kant as creators of the classical concept of altruism, the ideas of the proponents of post-anthropocentrism (A. Cera), kin selection (W. Hamilton), reciprocal altruism (R. Trivers), and effective altruism (W. MacAskill). Based on a synthesis of philosophical analysis and contemporary empirical research in evolutionary biology and behavioral economics, we have formulated the core tenets of a non-reductionist understanding of altruism as “extended rationality”. This interpretation allows for viewing altruism as a rational strategy for the survival and development of humanity as a species in the Anthropocene era — a period marked by intensifying global risks (environmental, technological, political, etc.) due to the ever-increasing anthropogenic impact on the environment.

Keywords: philosophy, society, ethics, altruism, Anthropocene, post-anthropocentrism, kin selection, reciprocal altruism, effective altruism, altruism as extended rationality.

For citation

Zolkhoeva M. V. Altruism in the Anthropocene. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 2: 3–9 (In Russ.).

The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.